

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь..

ГОМЕР
*Одиссея*¹

Можно ли оплакивать человека, о смерти которого тебе
не известно?

КЛЕОПАТРА АНАСТАССИУ-ПОПЕСКО
Психоаналитическая одиссея

1 Перевод В. Вересаева.

1

Гари

Море всегда хранило мне верность, не предало ни разу. Оно выкидывало фортели, пугало меня, но мы всегда мирились. Нашей взаимной любви уже сорок один год. Впервые я нырнул в него в день моего рождения, когда мне исполнилось четыре года. Говорят, не бывает осмысленных воспоминаний об этом возрасте. У меня все по-другому. Если только я постоянно не придумываю себе это воспоминание. Какая разница, скажете вы, главное, что в моей памяти сохранилось то, кем я сделался с ключевого момента, который сформировал меня. Отец бросил четырехлетнего в воду, заявив, что мне уже давно пора научиться плавать. Я не сопротивлялся и не испугался. Как будто ждал этого. Как если бы я был рожден, чтобы погрузиться в море. Ноги и руки инстинктивно пришли в движение, я поплыл — не то чтобы традиционным способом, но все равно продвигался вперед. Мне хотелось как можно дольше пробыть в воде. И после этого всякий раз, когда родители вы-

таскивали меня из моря, я выскользнул из их рук, как угорь, и с головой погрузился в воду, чтобы наблюдать за невероятным зрелищем поднимающихся пузырьков. Меня по-прежнему тянет оставаться как можно глубже, ближе к дну. В тот раз глубина была огромной только для меня, но мне показалось, будто я проник в морскую пучину. И я тогда испытал абсолютную полноту бытия.

Этот день определил мою судьбу.

И вот мое существование закачалось и повисло на грани исчезновения, притом там же, где оно началось. Море, любовь всей моей жизни, море, прощавшее мне все слабости, принимавшее все промахи, вознамерилось поглотить меня. Я ждал чего-то более грандиозного и всегда считал, что смогу уйти, задержав дыхание, а вовсе не на привязи у своих кислородных баллонов. А тут дурнота навалилась на меня, когда после блаженного погружения я поднимался на поверхность. Я прекрасно знал, что со мной происходит, и в другое время не обратил бы на эту мелочь внимания. Не нужно было погружаться сегодня. Я был к этому не готов. В ушах у меня звенело. Я был усталым, раздраженным. Большую часть последней ночи я пил, чтобы заглушить боль.

Голова кружилась, мысли путались. Секундой раньше я еще не сомневался, что направляюсь к свету, и понимал, где дно, а где поверхность. И вот я потерял все ориентиры и больше не знал, где нахожусь. Этим утром я почувствовал потребность погрузиться в воду, очутиться там, где я бываю самым счастливым, и я подарил себе право остаться в одиночестве, обойтись без компании. Я намеренно пренебрег правилами безопасности, соблюдения которых требовал от каждого, кого обучал дайвингу. Правилами, кото-

рые затвердил еще до того, как подводное плавание стало моей профессией. Но сегодня я предпочел избавиться от этого знания. Забыть. А раз я был готов забыть, скоро забудут меня. Если бы я не сделал глупость, погрузившись без пары, я бы послал знак партнеру, схватил его за руку и был бы уверен, что недопомогание не убьет меня. Но я был полон горечи и потому остался один. Никому не подхватить меня, не поднять к свету. А ведь я уже почти выбрался на воздух. Я отлично знал, что должен делать, — со мной подобное случалось не раз. Но я выдохся, да и желания спастись, пожалуй, тоже не испытывал. Такой уход очень сладок. Скоро я потеряю сознание и перестану на что-либо реагировать. Я лишь досадовал, что не спустился в совсем уж кромешную тьму... Будь здесь поглубже, я бы сейчас разрешил себе не сопротивляться, не злился бы и не стыдился того, что умер именно так.

Что со мной творится?

Я с облегчением встретил первые признаки близящегося обморока: скоро исчезнут все мысли. В конце концов, я никого не оставлю. Не многие будут оплакивать меня. Именно поэтому ничто не напрягало меня, не побуждало ухватиться за что-нибудь, чтобы не качаться безвольно. Я лишь надеялся, что, если меня найдут, кому-то придет в голову развеять мой пепел над морем. Думаю, я мог положить на ту, что несла ответственность за мою злость и усталость: она находилась поблизости, и, когда новость о моей смерти достигнет ее ушей, ей станет грустно, но ненадолго; она сделает все необходимое, но не более того. Ее ждала другая жизнь. Она-то нашла рецепт существования вне воды. А я вот нет. После нее на земле что-то останется. После меня — ничего. Никакого следа. Ни одного сироты.

Я уже почти отключился. Глаза заволакивало туманом. Губы на загубнике расслабились; скоро перестанет поступать кислород, что тоже хорошо. Так гораздо проще. Зачем бороться? Меня ничто не держало. Я был спокоен, я был на своем месте. Вода — моя стихия, она подарила мне жизнь, сегодня она ее отби-рала, так что в таком финале имелась своя логика. Тело прекратило сопротивление, как и разум. Я принимал свою судьбу и никого не винил.

Вся эта синева, бесконечная, колдовская, гипноти-ческая, была великолепной, холодной и теплой одно-временно, и при этом обитаемой. Она восхищала меня, меня окутывал туман, тело становилось все тяжелее, и я в последний раз любовался красотой моря, окру-жавшей меня. Ноги и руки больше не сопротивлялись и колыхались по воле моря. Оно влекло меня на глуби-ну. Дно морское звало меня. Неумолимо притягивало.

Глухой шум и вспышка света, проникшего под веки, заставили их открыться. Передо мной образова-лась тень впечатляющих размеров. Она прижала загуб-ник к моему рту и сильно стиснула мне руку. Ее суро-вый и властный взгляд вернул меня к реальности. Тени не хватит сил надолго — она не принадлежала дайве-ру и не имела снаряжения. В конце концов я ее опоз-нал. Иван. Он любезно доставил меня на своей лодке в море, ни о чем не спросив и не требуя объяснений. Он доверял мне. “Хочешь погружаться в одиночку, твое дело. Если ты сам не понимаешь, что делаешь, ни-кто другой тебе это не растолкует”. Достаточно было его появления под водой, чтобы головокружение от-ступило. Равновесие восстановилось. Ноги пришли в движение. Жизнь возвращалась в мое тело. Иван еще раз проверил, чтобы убедиться, что я больше не буду делать глупости. Вместо ответа я энергичнее задвигал

ластами и вытолкнул его к воздуху, которого, останься я неподвижным, ему скоро не хватит. Я тоже начал медленно всплывать; возвращались привычные рефлексy. Сквозь толщy воды я следил за лицом Ивана. Я цеплялся за него. Когда моя голова поднялась над водой, я сообразил, что маска наполнилась слезами. Я вцепился в борт, Иван подхватил меня и, приложив все силы, втащил к себе. Я рухнул на дно лодки и начал извиваться, стараясь освободиться от экипировки, а Иван, все так же молча, мне помогал. Если бы я сумел, то разодрал бы гидрокостюм — внутри второй шкуры я задыхался. Мне удалось высвободить туловище, и воздух и солнце, попавшие на кожу, принесли мне небольшое облегчение. Я подполз к борту лодки, наклонился над водой и стал неотрывно вглядываться в дно, которое притягивало и гипнотизировало меня. И тогда я испугался. Испугался впервые. Этот страх был несравним с паническими атаками, знакомыми всем ныряльщикам. Он был глубже и гораздо опаснее. И был мне незнаком. Вдруг живот свело ужасным спазмом. Рвота долго не останавливалась. Я выbleвывал свою слабость и гнев.

— Тебе известно, Гари, что я люблю адреналин, — спокойно произнес Иван, после чего взорвался. — Но черт тебя подери! Что ты там под водой устроил? Блин! Ты же чуть не загнулся!

И ты вместе со мной...

— Отвези меня на берег, Иван, пожалуйста...

Я отступил от борта и свернулся клубком на полу надувной лодки, ощущая на себе тяжесть озабоченного взгляда моего спасителя. Мое молчание раздосадовало его, он вздохнул и прибавил скорость. Мы были далеко за коралловым рифом. Брызги падали мне на лицо, на тело, и вода как будто сдирала с меня кожу.

Когда Иван пришвартовался к понтону, я вскочил, недоумевая, откуда во мне такой прилив энергии. Он тоже поднялся и положил руку мне на плечо:

— Тебе, похоже, стоит показаться врачу, Гари.

— Ни к чему это...

Я обернулся к нему: он был искренне обеспокоен.

— Извини за это недоразумение...

Он протянул мне руку, и я пожал ее, не отводя от него глаз.

— Не волнуйся, я никому не скажу, — успокоил он меня.

Я только благодарно кивнул, потому что был не в состоянии вымолвить ни слова. Не в состоянии объяснить ему, что я, возможно, только что все потерял. Свою работу. Веру в себя. Свою жизнь. Я отпустил его руку и ушел.